Вы слышали голос Тягунова? Он похож на молодой лёд хрустящий. Этот лёд, пожалуй, сам удивлён своему хрусту — почти на краю формы. Голос переходит в текст.

Тексты Тягунова и не пытаются застыть: «*Перевожу себя на русский./ С другого берега реки./ Ко мне протягивают руки,/ Но я не протяну руки*». Зачем застывать, если определённость может локализовать чудо, лишить его неприкаянности… Эта неприкаянность — есть подверженность слова-чуда постоянным манипуляциям, трансформациям окружающего и внутреннего. И процесс превращения важен не меньше, чем то, что превращается: вода-лёд-газ-снег-шуга какая-нибудь…

Но превращения упорядочены, у них есть логика развития. Тексты Тягунова — не хаотики, они целостны. Внутри текстов происходит движение-брожение, но малейшие отклонения частиц не разрушают целое, а увеличивают количество реальных и возможных измерений текста: «*Случаен зритель Тягунов./ Случайна вытяжка из снов./ Случайность как закономерность/ Определяется вне слов*».

Тягунов заворожён логикой, системой: «*Логика есть царство неожиданности. Мыслить логически — значит непрерывно удивляться. Мы полюбили музыку доказательства*» (Осип Мандельштам). Отсюда у Тягунова в текстах поэтические наследники математики: палиндромы, анаграммы, комбинации… Но это — устройство текстов.

© Руслан Комадей, 2016

А снаружи — читатель. Как ему воспринимать текст, который разворачивается быстрее его понимания… Читатель сбит с толку сменой ракурса, затемнениями смысла и вспышками узнаваний, обнаружениями в предыдущих словах или фразах связок с несколькими ключами для одной двери. Отсюда исходит основное, на мой взгляд, свойство тягуновских текстов — невероятная скорость. Поэтому читатель заторможен, он всё время рискует оказаться в дураках. *«Кто перебрал все знаки π,/ Тот опускает запятую./ До точки. Где она кипит./ И до и после — жизнь вкрутую!»*

Читатель важен для тягуновских текстов. Он играет с ним, но не оскорбляет его, даёт возможность догнать уезжающий смысл.

Думаю, исходя из предыдущего, что поэзия Тягунова омывается двумя кровями-океанами: слева-справа-снизу-вверх: математикой и рекламой. Математика — как строгое чудо логики, как путь приближения к решению, как наслаждение этим решением, как удовольствие от наличия неизвестных. Реклама — как манипуляция узнаванием, как желание того, чтобы потребители-читатели всегда были чуточку более обмануты, нежели сам рекламщик-поэт. *«Стихи рекламируют пищу/ Для сердца, ума и души:/ Мы — нищие Духом, мы ищем/ Те средства, что всем хороши»*.

«Рома считал, что поэзия — сама по себе реклама. Реклама слова. Он вытягивал смысл из слова, а не приспосабливал слова к техническому заданию рекламодателя» (Олег Дозморов).

Впрочем, и любовь к математике, и «пристрастие» к рекламе-пиару проявлены в тягуновской биографии, к которой я постараюсь не обращаться. Важнее определить некоторые свойства «поэтического организма» Тягунова. Вероятно, Р. Т. отличался от многих тем, что слова для

него равны словам. Они — часть текста, а потом уже, если кому-то повезёт, они смогут влиться в окружающий мир. Тягунова-поэта проблемы передачи «мировой туманной боли» волновали, как я думаю, меньше, нежели проблемы передачи крови-энергии от слова к слову. И если бы Тягунов мыслил больше предметами-явлениями окружающей жизни, он вряд ли смог бы добиться таких головокружительных скоростей превращения.

Это видно, например, и из того, что становится подподосновой текстов: и факты биографии, и имена друзей-знакомых, и совпадения слов (омонимы, созвучия), взаимоотношения слов с числами, взаимоотношения слов одного языка со словами другого: «*(Я поясню: семь бед — один ответ.)/ “Я” после “Ю” не тянет. Слово “тэн”/ В английском означает десять “нет”./ “Э” перед нами. Между нами “N”*».

Техника-механика тягуновских текстов зачастую безупречна. Но безупречность эта проистекает, я полагаю, из доверия к слову. Из неполного знания: чем слово обернётся для другого слова? — своим звучанием, семантикой, катастрофой… Тексты Тягунова успевают сказать своё «всё». И уже упомянутые мной выше математика и реклама только помогают и не отменяют доверия к слову как таковому.

Вероятно, у Тягунова не только слова формируют поэта, что можно было бы предположить за головокружительной скоростью, но и то, что Тягунов успевает формировать слова, признаваться, отчаиваться, блокировать агрессию, запросто говорить о себе. Он слушает стихи, и они слушают его. «*Пришла пора составить список добрых дел./ Читаю вслух забытую страницу:/ Бывал в столицах, знал, чего хотел…/ Когда не знал — хотел уединиться,/ Сродниться с тем, кто по небу летел*».

И поэтому требуется осторожность, когда мы пытаемся сопоставить биографию и творчество поэта.

Ну и что, что Тягунов умер в 38. От этого его биография больше отразилась в его текстах? — Так просто удобней воспринимать. При этом я имею в виду удобство как разновидность безответственности.

Тягунов столько раз в текстах обращался к словам смерти, к словам о воскрешении, что, очевидно, ему было важнее добиться полной обратимости этих «бессмертных» явлений или слов. Поэтому я надеюсь, что тексты Тягунова не дают шансов однозначностям.